

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе ¹⁾).

V.

Съ великимъ благоговѣніемъ принялъ Михаилъ Ивановичъ благозвѣстіе о своемъ рукоположеніи. „Страшно много, писалъ онъ мнѣ незадолго до сего, отвѣтственность предъ Богомъ велика, но Богъ видитъ мое сердце. Если бы Ему не было угодно, Онъ не помогаль бы мнѣ. Его святая воля, Его помощь — вотъ моя главная надежда. Это, и только это, ободряетъ меня. Съ землей, съ міромъ, съ суетой, честолюбіемъ—прощаюсь... Сердечная благодарность владыкѣ милостивому... Мною руководить одно желаніе—быть ближе къ Тому, Кто даетъ цѣну всей нашей жизни и дѣятельности... Сепарма! скажу словомъ преосвященнаго Теофана“.

Съ восторгомъ писалъ онъ мнѣ послѣ рукоположенія: „я уже іерей... Что ты пишешь о молитвѣ? Или забуду?! Ты-то меня не забудь! А вотъ намъ съ тобой великое утѣшеніе: было благодатное явленіе отъ нашего образа ²⁾. Въ день моего посвященія во діакона—было освященіе великолѣпнаго, серебрянаго вызолоченнаго оклада на нашу икону Спасителя. Конечно—вышло непредумышленно. О моемъ посвященіи знали немногіе. Дѣло было такъ: одна моя знакомая, получивъ на Рождествѣ отъ меня въ подарокъ образъ (на бумагѣ) заболѣла очень тяжело, такъ что медикъ объявилъ бесполезною медицинскую помощь. Она молилась предъ моимъ образомъ,

ибо полюбила его, и дала обѣтъ по выздоровленіи сдѣлать окладъ. Первое, на что упала ея взглядъ, когда она почувствовала себя лучше, былъ ликъ Спасителя. Выздоровѣвъ, она немедленно исполнила свой обѣтъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, я, 26-го, въ день посвященія уже во священника, посѣтилъ почтенную старушку. Она встрѣтила меня съ образомъ Спасителя. „Вотъ Кто исцѣлилъ меня!“ таковы были ея первыя слова... Да возрадуется твое сердце, какъ возрадовалось мое!“

Въ новомъ благодатномъ званіи о. Михаилъ весь отдался служенію пастырскому. Въ Институтѣ онъ былъ законоучителемъ, а въ Воспитательномъ Домѣ—приходскимъ священникомъ. Въ Институтѣ онъ старался запечатлѣть въ душахъ „будущихъ воспитательницъ“ тѣ святыя истины, которыя были для него дороже всего на землѣ; въ Воспитательномъ Домѣ онъ съ любовью спускался во всѣ нижніе этажи, гдѣ витала бѣдность и горе, и вездѣ являлся ангеломъ-утѣшителемъ, съ лаской и любовью бесѣдуя съ больными, съ теплымъ участіемъ относясь къ ихъ положенію. Онъ не только, бывало, скажетъ теплое слово матери-родильницѣ, но и поцѣлуетъ, благословитъ новорожденнаго,—для всѣхъ у него было готово слово совѣта, ободренія и утѣшенія. Утомленный физически, но бодрый нравственно, возвращался онъ подъ вечеръ въ первый день Рождества или Пасхи въ свою семью. „Меня до глубины души трогаетъ и радуется,—

¹⁾ См. № 4.

²⁾ Различаемъ чудеса, о которыхъ говорятъ частныя лица, отъ чудесъ признанныхъ таковыми высшею церковною властью.

говаривалъ онъ, —эта чистенькая, прибранная бѣдность, эта зажженная передъ образомъ лампадка, это благоговѣйное ожиданіе священника со святынею. Одно только смущаетъ меня,—прибавить онъ, бывало: это необходимость принимать отъ нихъ ихъ гривенники и двугривенные, а не брать нельзя, потому что даются отъ усердія къ Богу, нельзя оскорблять человѣка въ такихъ чувствахъ“. И онъ бралъ съ тѣмъ, чтобы вернуть бѣднякамъ при первой возможности ихъ гроши въ той или другой, не обидной для нихъ формѣ. А сдѣлать это ему, какъ человѣку, близко стоявшему ко всѣмъ нуждамъ Воспитательнаго дома, представлялось не мало случаевъ. Зато и полюбили о. Михаила въ Воспитательномъ Домѣ. Когда онъ, уходя оттуда, говорилъ въ церкви свое прощальное слово, тамъ слышались рыданія. И на новомъ мѣстѣ его служенія, вплоть до отъѣзда его въ Петербургъ, воспитанницы Воспитательнаго дома каждый большой праздникъ въ значительномъ количествѣ являлись на его квартиру съ обязательною просфорою въ рукахъ, чтобъ поздравить своего любимаго батюшку и пожелать ему всего хорошаго.

Кромѣ пастырской дѣятельности въ Воспитательномъ домѣ, о. Михаилъ долженъ былъ, какъ сказали мы выше, давать уроки Закона Божія въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Сознаніе важности предстоящаго ему дѣла заставило его посвятить приготовленію себя къ нему все лѣто 1895 года. Конечно, эти приготовления состояли не въ приобрѣтеніи необходимыхъ для законоучителя знаній,—знаній имѣлъ о. Михаилъ слишкомъ достаточно: ему хотѣлось уяснить себѣ, во всѣхъ его подробностяхъ,

самый вопросъ о законоучительствѣ, о положеніи Закона Божія среди другихъ предметовъ школьнаго преподаванія, о способѣ веденія дѣла и пр. Результатомъ этихъ размышленій явился цѣлый рядъ его статей въ *Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ указанные вопросы рассмотрѣны во всѣхъ подробностяхъ и со всѣхъ необходимыхъ сторонъ ¹⁾.

Для воспитанницъ его уроки были чѣмъ то новымъ, небывалымъ; они жалѣли, когда кончался урокъ: такую задушевностью, искреннею вѣрою и благоговѣніемъ къ святому предмету Закона Божія вѣяло отъ этихъ уроковъ.

Мы видѣли искреннія, непритворныя дѣтскія слезы надъ его безвременнымъ гробомъ, мы слышали ихъ согрѣтыя чистымъ дѣтскимъ чувствомъ, проникнутыя глубокимъ неподдѣльнымъ горемъ рѣчи надъ его останками; намъ извѣстны многочисленные рассказы о безграничномъ благоговѣніи къ своему батюшкѣ бывшихъ его воспитанницъ, и мы не сомнѣваемся, не можемъ сомнѣваться, что въ лицѣ о. Михаила, какъ законоучителя „не оскудѣ среди насъ преподобный“. И пусть скажетъ любая изъ его ученицъ, слушавшая изъ его устъ уроки Закона Божія: развѣ и надъ его гробомъ нельзя съ полнымъ убѣжденіемъ повторить тѣхъ же самыхъ словъ, которыми заканчиваетъ одну свою статью о. Михаилъ, припомнивъ ученическую рѣчь надъ гробомъ одного изъ своихъ старѣйшихъ собратьевъ по законоучительству: „О, твой свѣтлый образъ предстанетъ намъ и на одрѣ смерти съ тѣми святыми истинами и обѣтованіями, какія мы слышали отъ тебя!“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Душ. Чт. 1900 г. Май, 58—9.